

ОЛЬГА ФОСТ

ДОЛЯ МАСТЕРА

Ольга Фост

Доля мастера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12272205

ISBN 9785447430351

Аннотация

Что такое судьба? Так сразу и не сказать... Ведь это и жизнь, которую день за днём проживаешь, и люди, с которыми делишь её. А ещё это те, кто жил до тебя и кто будет после. И ты, человек – необходимая ниточка в ткани мироздания, без твоего участия прошлое не сможет стать будущим. Получается, судьба – это ты сам...

Содержание

Доля мастера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Доля мастера

Ольга Фост

© Ольга Фост, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Доля мастера

ПОВЕСТЬ

Судьбе, с любовью

Пора.

Мастер повернул руку твёрдой сухой ладонью вверх, и на мозолистой этой ладони воплотился простенький латунный колоколец с чёрной ленточкой в ушке.

«Ну вот, и ты нашлась».

Седой человек улыбнулся мальчишески ясно и легонько погладил подол золотистой юбочки колокольца. Раздалась мягкая протяжная песенка, словно несколько девичьих голосов пели где-то далеко-далеко.

– Здравствуй, – отозвался волшебник, и накрыл колоколец другой ладонью. Может, стоит добавить что-то ещё? вспомнить всех, в кого ты превратила себя – наёмница, уличная воровка, расстрига, торговка своим телом, шпионка... Но учёный сдержал лирика, и вместо «бродяжка» прозвучало:

– Пойдём к остальным.

Пружинисто встав из удобнейшего кресла, заботами которого седую эту голову посетило немало светлых идей, мастер подошёл к расположенному поблизости лабораторному сто-

лу.

На мраморной столешнице, в центре начертанной на ней звезды, лежала серебряная брошь в виде вставшего на дыбы дракона. Кинжал, вычурной работы волшебная палочка, потёртый амулетишко-сердечко и огромный кристалл аметиста – на четырёх углах. В пятый, на вершине, стал колоколец.

Могущество мастера уже давным-давно было таково, что он вполне обошёлся бы и без ритуала. Но, во-первых, азы ремесла и научную его основу никто не отменял, во-вторых – тренировка концентрации лишней никогда не бывает, а в-третьих, действие, которое надлежало ему совершить, отличалось красотой несуетности, что так чарует в природе – и радует, как сущность любого искусства.

Сколько раз стоял он над этой ритуальной звездой, свивая воедино ауры амулетов и сотворяя новый? Много... счёт не потерял, нет, – отменная память мастера хранит всё, даже то, что стоило бы забыть – но уточнять не хотелось.

Он глубоко и длинно вздохнул, раскрываясь миру – и лёгкое солнечное сияние окружило волшебника. Плавными и точными стали жесты его, спокойным до отрешённости лицо. Неспешно свивались в одну ауры памятных вещей, собранных по временам и мирам ценой не одной жизни.

Линии чертежа налились кровью, потемнело, исчез и сам маг, а когда всё снова вернулось в мир видимый, в центре звезды обнаружилось перо. Перо белой чайки. Белой чайки мечты.

«Пергамент бы сюда, – подумалось, – и...»

На столе медленно воплотились готовые к работе листы и изысканный хрустальный сосуд. Из него исходил мягкий свет, и мастер с улыбкой подумал, что такому перу только такие чернила самый раз...

Ну, всё. Главное – информационный план сформирован, новая судьба – сделана, теперь только ждать, природа довершит мастером начатое. А чтобы служба шла быстрее, есть доброе солдатское правило – поспать. Последуем же ему.

Со вздохом опустился маг в кресло, повозился немного, устраиваясь поудобнее, и вручил себя отдыху. Можно же не спавшему пять воплощений подряд наконец-то...

– Душа моя, клянусь нашими крыльями, – в голосе златовласого бога любви прозвучало уже отчаяние, – никаких таких взглядов я ей не посылал! Только стрелу...

Ответом ему было тягостное молчание – ту, перед которой он оправдывался, одолевал извечный страх женщины оказаться за ненадобностью в забвении и сдавивший горло горький плач. Такой горький, что в одном далёком мире начался уже третий ледниковый период: слёзы в последнее время случались всё чаще и чаще – стыдно признаться, насколько часто и по каким пустякам... Рыдания душили ещё и потому, что превыше всего хотелось ей поверить ненаглядному

своему господину – немедленно и бесповоротно.

Как обычно, это желание взяло верх, и крылатая Джайна всхлипнула уже не так судорожно. Чуткий Лен уловил перемену в её настроении и поспешил закрепить успех: обратился в нежный туман, окутал собой Джайну и принялся мягко её укачивать – а в мыслях женщины цветами закружились тихие, смешные и бессвязные, но такие дорогие сердцу слова.

И лишь только когда плечи её расправились, а ладони перестали скрывать заплаканное лицо, бог позволил себе тихонечко, исподволь объяснить своей богине, что ревность рождается там, где мало доверия. Но прежде чем женщина успела обидеться снова, пылко и убедительно прозвучало, что в подобных некрасивых порывах мужчина ничуть и не подзревал свою возлюбленную, которая ему дороже бессмертия: ни для кого не секрет, насколько иные оказавшиеся в известном положении красавицы теряют веру в себя. Вот и начинают придумывать такое, чего на белом свете нет и быть не может – а раз так, то и повода для ревности никакого.

– И вообще, не волнуйся по пустякам, а когда ждёшь нашего ребёнка – в особенности.

Джайна вняла бы своему богу, даже если бы он просто сказал это, но Лен знал, насколько лучше доходят иные истины, если обернуть их в шёпот и поцелуй... И Джайна не просто услышала – поняла: первенец, пока ещё смирным клубочком дремлющий в мягком тепле её тела, не будет одинок. А раз

так, значит... и глаза богини просияли радостью и состраданием; что же делаешь ты, милый мой бог, как же ты это делаешь?

– А девушка, в сердце которой я отправил стрелу, девушка та – совсем одна. Пока. Стрела знает, что делать.

Тут богиня снова всхлипнула, но уже по совсем другой причине... нет, это с ума сойти – потоп по каждому удобному и неудобному поводу. Джайна улыбнулась любимому сквозь влажную пелену на глазах, и где-то далеко-далеко пролился солнечный дождик – царевнины слёзки:

– Расскажи мне о них. Только сказку. И чтобы закончилась она хорошо.

Он губами стёр с зарумянившихся щёк отблески недавней бури. Провёл ладонью по волосам своей богини, и венцом на них расцвела радуга. Помолчал немного, улыбаясь игре мыслей. А затем мягко направил их в розовое, заострившееся от любознательства ушко:

– У хороших сказок нет окончания – но всегда есть начало новым. Слушай.

Сначала была музыка... да, в самом начале всего была именно она, едва различимая среди безмолвного воя хаоса. Но проходит вода сквозь тугую твердыню камня, просочилась и музыка сквозь мёртвую пустоту, растворив её в себе –

в мягких, трепещущих и тёплых звуках. С тех пор и никогда не стихает эта музыка, но лучше всего слышна она на восходе ночи. Если в эту пору очутиться подальше от всей и всяческой суеты и настезь открыться миру, то ласково и благодарно прикоснётся он к ещё неведомым струнам сердца и зазвучит – разноцветно и переливчато.

– Динь! Дилинь! Дон! – в дальних отголосках заката с тихим звоном проступали звёзды. Всё ярче и ярче звучали они, расцветившая небосвод, и вот уже развернулся в вышине бескрайний свиток вселенной – знай себе, читай начертанные на нём письмена. Какие? Да обычные, человечьи: каждый живущий оставляет своё – недаром же говорят старики, что и звёзд на небе столько потому.

Но женщина, которая стояла сейчас на галерее Тёмной башни королевского дворца и слушала музыку зарождавшихся звёзд, уже почти не соглашалась с этим поверьем. В последние годы нередко приходила к ней мысль, что вселенная сама шлёт нам вести – жаль только, не все могут прочитать те строки, написанные светом на тьме.

Повеяло сырой прохладой. Женщина плотнее укуталась в чёрный бархатный палантин и заторопилась к спрятанному в нише выходу. Вид, открывшийся прощальному взгляду на запад, не порадовал: завтра похолодает... капризная в этом году весна!

Узкая с высокими каменными ступенями лестница, дуга коридора, тяжёлая дубовая дверь – и вот, просторные покои

встретили свою хозяйку свежим душистым теплом. Ах, какое тепло! Какое ароматное! В разное время здесь тайком ли, явно, но перебивал и столичный бомонд, и жители Коренбурга рангом попроще, наведывались даже из дальних провинций. И в устных мемуарах отчего-то вполголоса признавались потом: входивший в эти апартаменты проникался доверием к их обитательнице, ещё не видя её – от одного только царившего здесь духа.

Даже королевский парфюмер, известный своим мастерством, ироничным на всё прищуром и скандалами с коллегами по цеху, и тот захаживал сюда с удовольствием – а однажды в приватной беседе разоткровенничался, что его гурманский нос различает тут и обольстительные трели взбитых сливок, и трагическую ноту полыни, и дымчатый вкус луговой земляники. Но ведущий тон, по мнению господина композитора ароматов, создавали кожаные переплёты многочисленных книг. Наиболее старые из них принадлежали ещё первому придворному звездочёту, а в последние пять лет их собрание пополнила та, что ныне занимала эту должность.

Попросив горничную подать горячего вина и в который раз подумав, что с привычкой командовать слугами надо родиться, хозяйка проследовала в кабинет. Стоявшее возле камина широкое кресло поманило в гнездо своих объятий, но госпожа звездочья соблазняться не торопилась. Вместо себя она оставила гостеприимному креслу аккуратно сло-

женную накидку и деловито прошла к массивному столу. Зажгла свечу. Неровное пламя осветило и стол, и раскрытые книги, и рукопись, оставленную на полуслове, и сам подсвечник искусной работы – девушка с факелом в руке пытается рассмотреть лицо разметавшегося во сне юноши.

Та старинная печальная история служила хозяйке комнаты хорошей острасткой всякий раз, когда любознательность её грозила обратиться в любопытство – София Ламендор всегда училась отлично.

«Вот бы и Динь так же», – подумала женщина, усаживаясь за стол. Взяла остро отточенный карандаш, глубоко вздохнула. Расправила замявшийся уголок листа, исписанного схемами, формулами и кособокими нотабене на полях. Но что-то свербило, не давало вниманию течь привычной рабочей колеёй, стучало в висок – назойливо, жарко. Нет, невозможно... и она посмотрела в сторону, откуда шла эта тревожная волна.

По правую руку стояла миниатюра в тонкой серебряной рамке – с портрета застенчиво улыбалась девочка с русой косой через плечо и тяжёлым взглядом. Под ним становилось неуютно – чувство, будто тебя рассматривают насквозь, не из самых приятных. Но София привыкла – её собственный взгляд был ничуть не лучше, правда, в отличие от племянницы, она давно научилась его смягчать.

Звездочка приласкала кончиками пальцев мастерски написанные волосы и мягкий овал улыбающегося лица – а ведь

могла бы ты, девочка, осчастливить какого-нибудь хорошего человека, стать ему доброй женой, если б не этот взгляд...

«Вылитая Анна», – София вздохнула опять. Чем больше перечишь судьбе, тем жёстче она выламывает по-своему. Не справишься ты – она взвалит твою ношу на плечи твоих детей. Отказалась старшая сестра идти тёмной и трудной знахарской тропой, любви хотела, смеха и счастья женского – а что из того вышло? И любимого к гибели привела, и сама погибла. Только и остались от них память да крошка Динь, за воспитание которой взялась София, сама к тому времени только встретившая свой восемнадцатый год.

О, как хотелось в иные дни бросить всё, умереть, исчезнуть из этого страшного, жестокого, грязного мира, где ты одна, потерявшая дар, семью, веру – и с чужим ребёнком на руках!

С чужим? Нет, нет, кто угодно, только не Динь – с её цепкой памятью, с прицельным вниманием к мелочам, с неуёмным стремлением исследовать всё подряд – а то София не помнила себя ещё маленькой Зосьей? Такая же, ну точь-в-точь такая же – от старшей сестрицы не отставала ни в чём... почти ни в чём.

Войдя в возраст, младшая из сестёр Ламендор стала держаться так замкнуто, что даже родные звали её нелюдимою, между тем сама девушка просто пыталась быть достойной ученицей своей наставницы. Дичилась старшей сестры – та не скупясь, каждому встречному дарила ласку, улыбку, а то

и кусачее словечко... да разве ж такой должна быть истинная знахарка?

Сама-то юная София вряд ли усомнилась бы в праве старшей сестрицы поступать так: егоза и фантазёрка Анна верховодила во всех играх сызмала. Но вот госпожа настоятельница – та, что углядела в малышках Ламендор целительский дар и взяла обеих в шонбергскую школу знахарок при братстве Милосердия – госпожа настоятельница очень печалилась над непутёвой Анной. И в частых душевных беседах с Софией – лучшая, любимая ученица! – предрекала её сестре немалые беды, если та не одумается и не станет вести себя так, как и подобает той, которая носит чёрное, но несёт белое.

Такова уж доля знахаря – таиться в ледяной тени смерти, чтобы не гасло в горячих ладонях светлое пламя жизни. Коли одарили тебя свыше умением врачевать – пестуй дар, как цветок драгоценный. Сторонись страстей – не то покинет тебя небесная благодать, и кем станешь ты после? Пустым, не нужным никому сосудом скорби. Такова назначенная знахарям стезя – и не нам отменять обычай.

– Правильная ты, Зосенька, ой, правильная, – веселилась Анна, изо всех сил стискивая в объятиях обиженно бубнившую нотации младшенькую, – без вас никуда. Но нужны и вроде меня, чтобы покоя никому не было! Вы храните память. Мы обретаем воспоминания.

И старшую Ламендор терпели – та сходу бралась за такие

сложные хвори, к которым даже настоятельница приступала не раньше, чем после дня полного отказа от пищи – только вода, живительная вода и ничего более! Приют для страждущих, построенный братством вблизи их шумного, пропахшего рыбой Шонберга, прославился на всю округу. И всё благодаря Анне, этой строптивнице Анне, которая встречала приходивших к ней если не смехом, то ядрёной шуткой – но уходили от неё люди, скинув лет десять вместе с нажитыми за этот срок болячками.

Словом, прощалось Анне чуждое знахаркам поведение – ведь если сила при ней, значит, не запятнала себя – а что глазки горазда строить и позубоскалить никогда не прочь... ладно, в стаде не без паршивой овцы. Да и с такой человек разумный сумеет состричь толк – то есть, неплохой (очень неплохой!) клочок.

Но ждущий беды непременно её накличет – на ту голову, на которую ждёт... как же больно, до сих пор больно вспоминать! София порывисто схватила миниатюру, прижала к сердцу и откинулась на спинку стула, баюкая портрет у груди.

– Ничего, маленькая моя, ничего. Мы справились. Справились же?

Портрет, конечно, молчал – но так хотелось услышать на этот вопрос единственно нужный ответ!

Да, память коварна – не обойтись без неё даже самой мелкой твари, если хочет она жить чуть дольше, чем от зари

до зари, но когда механизм сей хорош настолько, что хранит и то, о чём стоило бы забыть – ноша гнёт... Ах, отправиться бы в квартал к торговцам подпольным товаром, да и отдать всё жалование за флакон рубинового стекла с каплями Леты в нём! Наполнить до краёв бокал сладостным небытием. Поддаться чарам мнимого спасения.

Но нет – жгуче страшно повторить участь принцессы Изабеллы... в школе знахарей рассказывали страшное про смерть её и посмертие. Вестимо, с душой убийцы случается то же, что сделал он, уничтожая жизнь. Но Изабеллу это не остановило – убилась, бросившись со стены замка. И сколько теперь, и где скитаться осколкам её души, кто ведает...

Каждому своё, конечно, но пробудиться в одном из любимых снов – может ли быть лучший отдых душе? Труженица, устаёт она побольше тела... с другой стороны, нет и материала прочнее, чем тот, из которого души.

В сон о годах ученичества мастер уходил вкусить воспоминаний – энергия там если не кипела, то бушевала точно. После ощущал себя словно искупавшимся в живительной прохладе лесного ручья.

Кроме наук, занимался он в Университете и боевыми искусствами. Ежеутренние тренировки с мечом ещё в домаш-

ней юности шли в охотку, но у студента добавилось знаний. Поэтому меч свой вращал он не просто ради удаль потешить или мышцы накачать.

Однажды заметил – прежде чем движение совершится в действительности, совершается оно в его мыслях. Стало интересно – а что, если заранее продумать рисунок движений, а затем воплотить?

Эффект оказался ошеломительным: а попробуйте-ка сами – ощутите себя одновременно и мастером, и инструментом, и материалом, над которым те трудятся! Вездесущность... Божественно.

С тех пор именно так и тренировал себя студент Валентин фон Бринн: не идти на поводу у текущей реальности, но торить свой путь, самому эту реальность создавая. Сосредоточенно, в мыслях, на тонких планах – а там и более плотная материя подтянется.

Дорога ляжет, где проложишь направление, прочитал Валентин в одной древней книге. «А ведь, я это всегда откуда-то знал...», – подумалось тогда ему.

Что ж... не идти на поводу у событий – но действовать настолько осознанно, чтобы они возникали по твоей воле? Звучит лакомо, да только это ж какая ответственность за каждый – каждый – шаг... готов ли я всё это взвалить на себя и ни на кого, кроме?

На губы чуть солоно и горько легло пленительное слово «свобода»... пленительное. Ведь у всего есть обратная сто-

рона, за всё приходится платить. Но юноша понял – потянет, готов.

Однако отныне, сколько ни живи – учись!

Получается, где-то в глубине души всегда останется пульсировать наивный младенческий родничок? И ныне, и присно пусть резвится себе вездесущий конопушистый почемучка, с которым вроде бы в пятнадцать лет попрощался... н-не без помощи одной весёлой и ласковой матушкиной фрейлины?

«Путь познания тернист и извилист, но до чего же интересен», – прочитал Валентин в старинной рукописи, найденной им на дальних стеллажах библиотеки Университета. И от этих слов чем-то очень родным и знакомым веяло, будто его рукой выведены они были когда-то.

– Быть посему, – решил.

Книги, книги... сколько же он перечитал их тогда, оставив дружеские пирушки, подружек с приятелями и прочее студенческое веселье.

В залежах библиотеки Университета нашёл даже одну древнеэльфийскую – управлять сновидениями учила она. Валентину, испытателю пылкому, любознательному, оказалось самое то. Очнуться во сне? Попробуем!

Не сразу, но получилось одолеть вязкую покорность сюжету видения – и научиться самому управлять своей волей... пробудиться – и быть! Быть самому ведущим в одном из множества вариантов реальности, хаотично бушую-

щих в нашем сознании...

Что значило для юного студента Университета Общей магии осознать силу и возможности мысли? Да, наверное, нечто вроде защиты научного изыскания и обретения новой степени для кого-то из его многомудрых преподавателей...

Ощущение своих возможностей после серии удачно прошедших испытаний выросло многократно... теперь бы это к делу приспособить. Понимая, как всё взаимосвязано...

Ты лишь усердствуй, не потакай желанию выехать за счёт кем-то разжёванного знания – только лично проверенное и выверенное, становится оно действительно твоим.

Инструментом.

Способом создавать новые.

Для чего?

А для чего мастеру его – и ничей, кроме – инструмент?

Эпизод из тех же лет, когда отражение в зеркале вдруг стусилось до черноты и обратилось к нему с предложением помочь за символическую, в сущности, плату одолеть неизбежные при такой Силе проблемы, мастер привычно проматывал – «дела давно минувших дней»...

Да и какое там одиночество, которым страдал искуситель, когда Валентина родные дома ждали, работа плечом к плечу с братом и невеста. О чём он помнил всегда, даже ещё не будучи мастером...

В дверь вежливо постучали, София вздрогнула.

Стекло под прижавшимся к нему лбом запотело широким пятном – женщина болезненно поморщилась и носовым платком поспешно уничтожила след своей жалкой слабости: у госпожи придворной звездочке таких не имеется.

Вернувшись к столу от окна, у которого невесть как оказалась, София поставила портрет на место, с деловитым видом вцепилась в палочку карандаша и зачем-то схватила чистый лист бумаги. Ну вот, теперь можно и откликнуться на стук.

Горничная с подносом проследовала к столу, расставила на нём кувшин с горячим вином, бокал, тарелку с сыром и тихо поинтересовалась, желает ли чего-нибудь ещё госпожа. Та благодарно, но едва ли терпеливо кивнула – надо срочно, срочно написать Динь... «милая, тебе дарован талант хранить жизнь. Что значит – не только вокруг себя, но в себе! Что бы ни случилось с тобою сейчас и в будущем – не отвечай злом на зло и болью на боль – торопливая, жадная месть разрушит, прежде всего, тебя.

Всем и всё воздаётся небесами – каждому по делам его. В своё время. Что ни придёт – знай: возвращается сотворённое твоей душой. А потому – вознесёт тебя мир, скажи спасибо, вернулось твоё добро. Сбросит в грязь – и здесь скажи спасибо: очищает от бед, которые ты учинила в минувшем.

И трудись, девочка моя, люби дела свои хорошие, делай их с душой и на совесть – в этом радость нынешнего дня и далёких-далёких завтрашних».

На едином порыве написанная весточка послушно превратилась в свиток, приняла на себя каплю воска и оттиск серебряной печати – единственного украшения заключённой в чёрное звездочей – и... попала в секретный ящик стола. Уж слишком хотелось Софии незамедлительно передать эпистола почтовому гонцу.

Между тем, первый порыв, как и первое впечатление, далеко не всегда безусловно верны, сколько бы ни уверяли в обратном доморощенные гадалки из выпускаемого какими-то шарлатанами печатного листка – и ведь кто-то им доверяет, раз раскупают! Между тем, опытный звездочёт никогда не станет безоглядно доверять тому, что на поверхности: кроме этого есть фон и иная тайнопись – надо присмотреться... Однозначным даже лист бумаги не бывает, что уж говорить о чём-то ещё?

София решила прежде закончить большую работу – срочный заказ королевы – и только после этого вернуться к письму племяннице: наверняка же не всё сказала в волнении. А что успокоит лучше работы, да ещё и хорошо сделанной?

Небывалой скатертью накрыла стол изрядно разлохмаченная по краям карта неба. Поверх улеглись недавно изготовленные по личному указанию короля ландкарты их страны и широко раскинувшегося отсюда на северо-восток соседне-

го государства – от матово мерцавших листов ещё веяло трудом учёных путешественников и художников. София залюбовалась искусной работой: вот башни и дворцы неприступного Коренбурга на высоком берегу Лады, вот сияют среди бескрайних лесов и могучих рек золотые купола столицы великого князя Вершицкого, с которым уже три года делит трон августейшая дочь их королевских величеств.

Мысленно пролетев над раскрывшимися перед ней просторами, София опомнилась. Сколько можно мечтать о несбыточном?! Ты сама себя приговорила к затвору – терпи теперь.

Словно бы утешая хозяйку, ласково зашуршала листьями пухлая от множества закладок тетрадь с эфемеридами. Послушно развернулась готовая к чертежу бумага, и полетели танцевать по вощёному её паркету тонкая игла и жёсткий грифель – циркуль неумоимо проводил круги, мерил угловые расстояния, намечал узловые точки.

Теперь – отметить дороги, которыми испокон веков следуют звёзды над головой: в какой нынче узор сплетутся эти дороги, что поведают на сей раз?

Стило послушно наносило на чертёж буквы древнего языка – символы далёких солнц и неведомых миров. Но и того недостаточно пытливому уму: хочет он знать дальше! В ход пошли линейка и краски: лазурью – зона тревоги, высокого напряжения сил, кармином – улыбка фортуны. Вот и зеленая пригодилась – вмешательство высших сил, надо же! Кто бы

это мог быть? Ну-ка, сейчас узнаем...

Давно погрузился в покой августейший дом и просторы верноподданной ему державы. Стройные красотки свечи превратились в оплывших матрон. Даже огонь в камине – и тот растёкся по углям в дремоте, изредка прядая рыжим ухом на какое-нибудь дуновение. А София, плотно закутавшись в палантин, всё читала полученное от Вселенной письмо.

– Динь!

Он вошёл как всегда ласково и мягко, такой похожий на кота, такой похожий на солнечный блик.

Дом, увитый девичьим виноградом от подвала до мезонина, всеми окошками просиял навстречу молодому мужчине, и даже сварливая старая дверь не скрипнув пустила в горницу милого хозяйке гостя.

– Опять прячешься, затворница?

Затворница уже спешила к вошедшему, на ходу вытирая длинным и далеко не белым фартуком перепачканные в каком-то несъедобстве руки. Собралась было приобнять друга на радостях, но увидев, что он в этакую жару зачем-то при полном параде, обошлась улыбкой, горячим румянцем на обычно бледных щеках и весёлым блеском глаз.

Слова в минуты особого волнения давались Динь невоз-

можно туго, а при встрече с Доном такое случилось непременно. И так уже лет... да, почитай, скоро двенадцать? С того самого дня, как в доме напротив угнездилась большая и шумная семья Тингенов, и на длинной кривоколенной улочке, которую населял разночинный народ, стало веселей. Правда, тётушка Зосья – да будут легки её дороги в дальних краях – в первые годы частенько через сжатые в ниточку губы цедила, что порядочные люди не стали бы держать дом вечно настежь и принимать гостей с утра и до утра. С песнями, плясками и прочим безобразием.

А никогда даже в мыслях не перечившая ей прежде тихоня Динь в один прекрасный день вдруг поняла, что не согласна с тётушкой, причём в корне. Попутно ужасно перепугалась, обнаружив в себе подобную неблагодарность к своей опекунке и воспитательнице. Однако не перестала считать гостеприимную семью белобрысого Дона Тингена самым лучшим, что ей доводилось встречать в и без того небогатой впечатлениями жизни.

– Здравствуй, Динька! Я не видел тебя целых два дня, а ты всё такая же мелочь! Опять кашу не ешь?!

То была давняя, ещё тех лет дразнилка – Дон уже тогда не давал проходу ни одной девчонке в округе – расфуфыренной ли дочке банковского клерка, юной ли служаночке из деревенских, что оставляли родные селения в поисках лучшей доли и нанимались к горожанам средней руки на разные домашние работы.

Добродушное приветствие Дона осталось без ответа. Как, впрочем, и прежний дразнёж – воспитанная строгой тётушкой, Динь совершенно точно знала, что на подобные глупости? обращать внимание? приличной девушке?! никак нельзя! А если эта девушка ещё и знахарка вдобавок, то подавно. Ведь не секрет же: пуще всего должно знахарям сторониться страстей, и да поможет им в этом пречистая Веста. Никак не замечать всякие такие штучки – и помнить, как наставляла тётушка: «Осторожнее, Динь, в мире нашем непрочен знахарский дар. Позволишь одолеть себя страсти – и участь принцессы Изабеллы покажется желанной. Не повторяй моей... ошибки, Динь!»

Сама тётушка казалась Динь образцом сдержанности, даже вообразить Софию одержимой не могла племянница ни в детстве, ни сейчас. Однако та, действительно, не в силах была и простую царяпину заговорить – при том, что ремеслу знахарскому научила воспитанницу на совесть.

Девушка робко улыбнулась Дону, торопливо стащила замурзанный фартук и виновато принялась рассказывать, как за минуту до его прихода закончила готовить заказчице, мадам Лармур, кое-что из средств, которые помогают женщине подчеркнуть красоту. Работа, к слову, ещё та: краски, воск, жир... вечно пальцы норовят испачкаться до носа!

Стеснительная молчанка, наконец, оставила Динь, и она впала в иную крайность. Тараторя что-то насчёт скорого визита дочки Лармур за обещанными дамскими финтифлюш-

ками, девушка помогла Дону освободиться от громоздкого выходного сюртука. Опять, похоже, к коменданту города наведывался...

Чудо местного портняжного искусства основательно пропало на молодом человеке, которому бы в такую погоду не по казённым присутствиям маяться, а... Динь решительно отвернулась от мысли о том, чем может заниматься в погожий летний денёк высокий и плечистый сердцеед двадцати пяти лет от роду, и на уважительно вытянутых руках понесла сюртук к гардеробу.

Тем временем Дон, ничуть не церемонясь, прошёл из комнаты в кухоньку, распустил узел шейного платка и с облегчением оттянул горловину сорочки: проветрить! Чуть не сварился!

Хорошо, у Динь всегда в жару найдётся, чем освежить горло, а когда ударят морозы, непременно сыщется во-о-он в том шкафчике кое-что для сугреву крови и мыслей просветления.

Вполуха слушая чирик-чирик подруги, он потягивал прохладный яблочный сок, кувшин с которым обнаружил, как обычно, на верхних ступенях лестницы в подпол: откинуть крышку, и пожалуйста – всё под рукой, что может в течение дня понадобится.

Он обвёл взглядом тесноватую, но чрезвычайно чистую кухню – похоже, маленькая знахарка могла бы и тут пользоваться каких-нибудь переходных бедолаг с потрескавшимися-

ся от усталости губами и сбитыми в кровь ногами, снимать ссадины окрестной ребятне и даже срастить сломанную лапку невезучему попугаю мадам Лармур, если бы любопытная птица вновь захотела составить компанию перелётным щуркам.

Но Динь слишком строга, чтобы использовать что-то не по назначению – для всего у неё своё место, во всём такой порядок, что даже боязно иногда. Кухня – это кухня, а на осмотр пожалуйста в кабинет. Хотя, какой в таком домишке кабинет? Кабинетик... Но чистый... Дон передёрнул плечами – ему, росшему в кочевой свободе и непринуждённости родительского дома, такой подход к жизни казался тягостным. Спору нет, доброй жене необходимо быть порядочной и хозяйственной, но не до такой же степени?! В городе пыль, жара, через два дня на третий грозы с ливнями, а у этой чистюли стёклышки такие, что кажется, будто их и вовсе в раме нет. Не, при такой супружнице всю жизнь по струночке ходить...

Но друг Динь хороший... жаль, не парень. Дон непременно позвал бы такого с собой, на службу, которую семья Тингенов вот уже несколько поколений несла для государства под маской зажиточных бонвиванов. О маске знали только самые близкие – Динь была в их числе.

Он задумчиво взболтал стакан – вспомнилось, как позапрошлой весной знахарка латала ему немаленькую даже по меркам Дона царапину на ноге, как боялась за каждый его

шаг потом, да и сейчас иной раз как глянет – аж затылок леденеет и волосы дыбом встают.

То ли дело, манящие взгляды женщин – согревают и они, и те, кто их дарит. Галантного красавца, да к тому же и небедного весьма, Дона с нетерпением ждали и в салонах, и в гостиных и, что уж греха таить, в будуарах. Прирождённый дамский угодник, он никогда не отказывал – и не отказывался от радостей жизни: а зачем? Тем более, и сама она представлялась Дону прекрасной дамой. О, под его ласковыми пальцами самозабвенно пела жизнь чарующую песню любви – на разные голоса.

Он качнул головой, запрещая расти интересу к тому, как могла бы петь Динь, и снова взболтал стакан. Вот и сладкая мякоть со дна, наконец, собралась... это ж самый смак – одним махом опрокинуть всё в рот, эх!

Только зачем он в тот момент посмотрел в окно?! Всё, что должно было ублажить его язык и горло, плеснулось мимо и медленно потекло по свежей, только утром надетой сорочке, по кипельно белым брюкам... от калитки к двери шла такая... такая!

Шла сама юность женская, в самом начале лучшей своей поры – сладкие сливки любви уже отведааны, и эта нежная мучительница ещё не показала когтей сердцу новой своей игрушки, ещё не отняла у взгляда свет, у волос – искристый блеск завитков, у губ – свежесть и жажду поцелуев.

Обычно судьба говорит с нами. Но большинство принимает её тихий голос за сны и смешные бабкины приметы, да живёт себе, как придётся. Сильно удивляясь потом, отчего как-то не так жизнь складывается – не по вкусу, не по размеру?

Правда, некоторых это удивление утомляет, в конце концов, и они догадываются найти через знакомых проверенного звездочёта или навестить в южных горах маленький беломраморный храм, где дважды в луну пифия сообщает пришедшему то, что он сам в своё время недослышал – или по молодому гонору недослушал.

Однако тут и гадать бы не пришлось. Вытянув шею, Дон замер и смотрел – к нему, игриво рисуя бёдрами древний символ жизни, идёт женщина его мечты. Пусть даже ещё не видит его, не знает – это только пока...

Но показаться ей в столь плачевном виде! Да что она подумает?! Однако молодой человек не относился к тем вечно ноющим мальчикам, которые так и норовят при малейшей трудности спрятаться за мамочкин передник... за передник? Кто тут сказал – за передник?

Парень в два шага одолел кухню, сдёрнул с крючка оставленный подругой фартук и поспешно нацепил на себя – ну, теперь и показаться не стыдно. Уж лучше выглядеть грязным от работы, чем... но ладно, бедняге и без того несладко. Вот же чёрт побери эту слабость при виде складной фигурки! Где же ты, единственная, что избавит глаза от необходи-

мости скашиваться то туда, то во-о-он туда?!

Впрочем, сей балагур чуть лукавил, рисуясь по привычке даже перед самим собой – если мужчина перестал с интересом поглядывать на встречных и поперечных женщин... пиши пропало! Кстати, ни одна хозяйка из числа знакомых Дона не пилила главу семейства, когда мужнины глаза нет-нет, да и смотрели куда-то, кроме как на неё саму – когда у супруга хорошее настроение, то и в доме лад и порядок? Про то, сколь славно в доме, если в таком же настроении шея этой головы, некий умный и уже немного знакомый нам котра предпочитал помалкивать.

Так вот и хорохорился он перед самим собой изо всех сил: а что ещё делать, когда пришла она – единственная. Весенней грозой грянула... и как же теперь жить, Дон?

– Трринь-трринь! – требовательно заверещал у входной двери колокольчик, и парень бросился в холл. Перед дверью замедлил шаг, немного выровнять дыхание. Это почти удалось – и пальцы уже не тряслись, когда Дон повернул ручку и распахнул заскрипевшую дверь.

Как он и предполагал, ростом пришедшая оказалась повыше Динь, но до его подбородка если и дотянулась бы, то лишь привстав на пальцах. Это соображение вдруг холодом сжало ему сердце, и Дон впервые за всю сознательную жизнь

не смог ничего ни произнести, ни придумать. Тем не менее, молодому человеку удалось приветливо поклониться, а приглашающему жесту его изящной и в то же время сильной кисти позавидовал бы и сам обер-гофмейстер.

В обращённом ему навстречу ясном взгляде мелькнуло удивление – и быстро сменилось нескрываемым удовольствием: поспешно заложенные за спину руки, скованная поза, блеск синих мужских глаз умной женщине сообщают всё, что нужно – а складывать два плюс два мадемуазель умела, и быстро. Научена была: несколькими годами ранее в толпе поклонников мадам Лармур оказался некий магистр, очень расположившийся к дочери своей пассии, – он-то и преподавал девице науку письма и счёта. А вот пара других воздыхателей оказалась не настолько увлечена матушкой, чтобы оставить без внимания расцветавшую дочь. Которая ничего не имела против, а очень даже наоборот.

Ротик её сложился в очаровательный розовый бутон, и она выжидающе посмотрела на мужчину, по извечной женской хитрости якобы отдавая инициативу ему. Что было совершенно точно понято и принято. Щёлкнули каблуки, склонилась голова, качнулись белокурые пряди:

– Дониэль Тинген к вашим услугам, мадемуазель!

Мадемуазель снисходительно улыбнулась этой старомодной провинциальной церемонности – кроме самоходных экипажей и обязательного вечернего освещения улиц фонарями на частых высоких столбах, из мировых столиц наве-

яло попутными ветрами простоту нравов и пренебрежение такими мелочами, как этикет. И если люди в летах ещё что-то там соблюдали, то современная молодёжь уяснила быстро: все люди – братья-сёстры, или, по крайней мере, возможные любовники – ну а заживо похоронившие себя знахарки и иже с ними пусть отдыхают в сторонке.

И маменькина наука не прошла даром: понравившегося мужчину надо проверять на боеспособность с места в карьер. Юная красавица долго посмотрела Дону в глаза. Медленно и пристрастно огладила взглядом от лица вниз... по раскрытому вороту, неуклюже надетому фартуку и мыскам добротных туфель.

По-прежнему неторопливый, взор поднялся до гладко выбритого подбородка и остановился на твёрдых и плотно сжатых сейчас губах, не замечая полыхающих румянцем щёк.

Лицедействовать, впрочем, умеет каждый, а вот чувством такта одарены далеко не все – но девица прекратила паузу вовремя:

– А у меня три имени.

От звука её певучего, с лёгким вызовом голоса Дона окатило томительно сладкой волной, захотелось ощутить его пальцами, языком, губами, раствориться в этом голосе всем существом.

Юная же хулиганка продолжала:

– Для мальчишек я Аннет, – сочные губы изогнулись в привередливой улыбке, а тонкий стан – в изысканной позе,

скопированной из столичного журнала «Придворная модница». Она чуть склонила головку набок и стрельнула глазами в свою осчастливленную этим фактом жертву:

– Дома и для друзей я – Тони.

Дон, который за свою кочевую жизнь выучил немало наречий, в этот момент совсем некстати вспомнил выражение «упасть в любовь» – и представился ему бесконечный полёт в эту пропасть... дыхание перехватило.

– А для интересных мужчин, – тут красавица взглянула на Дона в несомненном раздумье, подходит ли ему это определение, и повторила снова, на сей раз подчеркнув интонацией главное, – а для интересных мужчин я – Нинон.

И замолчала, уже нескрываемо наслаждаясь замешательством человека старше себя... а вот опытнее ли – это ещё вопрос. Но молчал и он, и только смотрел так, словно всё уже для себя решил. Девушка не выдержала и отправилась в дальнейшее наступление:

– Так как бы ты хотел звать меня?

– Антонина! – голос вошедшей в комнату Динь звенел от возмущения. Скрепки и флаконы в небольшой корзинке, которую знахарка держала в руках, звенели столь же сердито.

Поименованная Антонина заговорщицки улыбнулась Дону и грациозно обернулась к подруге:

– Здравствуй, Ди. Какой у тебя в доме симпатичный кавалер нашёлся. Что же ты его от нас прятала, молчунья?

Кто бы другой в этой ситуации обиделся: ведь знает же,

знает эта красотка, чем платят знахари за свой дар. Но Динь во всех и каждом видела того ребёнка, которым человек когда-то был и в глубине души остаётся до самой смерти. Именно с ними, с этими малышами, и общалась знахарка... Дети, шепутные, капризные, милые вы все дети...

Посему, чтобы там ни измышляли столичные модники и подражающие им провинциальные дивы, а этикет – вещь чрезвычайно удобная, и вряд ли когда-нибудь придёт время списывать вежливость в утиль.

Да, требования хорошего тона нас безусловно ограничивают – но может, оно и к лучшему?

– Антонина, позволь представить тебе друга нашей семьи, Дониэля Тингена – Дон, я счастлива познакомить тебя с моей подругой, Антониной Лармур.

Но только Дон собрался опять поклоняться и щёлкать каблуками, как взбалмошная Аннет, а может, Тони, но гораздо более вероятно, что Нинон, весело расхохоталась, захлопала в ладоши и возгласила на южный манер и слегка грассируя:

– Bravissimo!

Атмосфера окончательно утратила скованность – Дон изобразил голосом и губами нечто бравурное, хохочущая Тони подразнила взглядом Динь. Рассмеялась и та, и под напеваемый Доном марш весело позвала всех в гостиную.

Случайностей не бывает – а если всё-таки происходят они, то лишь потому, что мы просто не знаем причин, которые привели к неожиданным, на первый взгляд, следствиям.

Кто скажет наверняка, судьба ли свела вместе эту троицу? А возможно, то всё привиделось во сне Творцу – и, пробудившись, пожелал он воплотить пригрезившееся?

Какой ответ ни дашь, будет правильным – за несколько дней до того, как Динь, Дон и Тони весело болтали в маленькой белой гостиной под сладкий яблочный сок, госпожа придворная звездочка София Ламендор явилась к её императорскому величеству Елизавете с внеочередным и в высшей степени секретным докладом.

Настолько секретным, что беседа их происходила в дальнем уголке дворцового парка, возле небольшого мраморного фонтана, журчание струй которого непременно вызвало бы прилив экстатической радости у природы восторженной. Но, кроме того, оно надёжно защищало собеседниц от чужих ушей.

– Так, стало быть, вероятность есть?

София помолчала, раздумывая над ответом. Пальцы королевы меж тем задумчиво поглаживали короткую складчатую шерсть на загривке моднейшей собачонки, чванную мордочку которой то прятали, то вновь открывали пышные

оборки рукавов её величества.

Язык с трудом поворачивался назвать непонятную эту мелочь собакой – мелкая, толстая и почти лишённая растительности на теле, она являлась результатом того противозастенного отбора, которым склонны увлекаться зазнайки, считающие, будто законы природы писаны не для них. Некстати София вспомнила, что появилось на свет жутковатое это существо только при помощи специально обученной тому повивальницы – а нынче при собачке королевы состоял персональный врачеватель.

– Ваше величество, шанс очень небольшой. Более того, все девять месяцев великой княгине придётся провести в совершеннейшем покое – а это значит...

– Всё пустяки, дорогая, по сравнению с необходимостью родить престолу наследника. Алиса воспитывалась в сознании своего долга...

Когда царственные особы столь многозначительно умолкают, их подданным стоит немедленно прикусить язычки – во избежание неприятностей голове. Особа уже давно всё для себя решила, и знать не желает никаких «но» – ей подавай воплощение её высочайшей правоты.

Что ж, на то она и особа – а мы здесь, чтобы напоминать об этих самых «но»:

– Ваше величество, – голос Софии звучал предельно мягко, – нижайше прошу вашего прощения за дерзость, однако вынуждена напомнить, что мало родить – надо вырастить,

причём вырастить государя, способного управлять страной. Между тем, повторю снова и снова – все карты недвусмысленно указывают на риск рождения болезненного мальчика. Который в державных делах будет столь же немощен, как и в способности продлить династию...

Елизавета ничем не дала понять, насколько глубоко задела её слова какой-то безродной выскочки... однако пусть заберут меня воды Мёртвой реки вот прямо немедленно, если за последние пять лет эта... эта упрямецка допустила ошибку или намеренно исказила свои предсказания. Конечно, последнюю возможность особенно нельзя сбрасывать со счетов – близость к власти и не таких ломала – но были точными словесные портреты, что давала звездочка людям и событиям, обещанное сбывалось...

Впрочем, учил её и рекомендовал как смену свою не кто-нибудь – сам мэтр Берегер... так что мало в том заслуги этой... этой. А то мы не знаем, как иные знания передаются – и усваиваются?

– Не вы ли ещё совсем недавно уверяли меня, что всё зависит от собственной воли человека, что нет ничего предопределённого, а есть лишь набор вероятностей, из которых следует выбирать наиболее в данной ситуации подходящую? – королева милостиво улыбалась Софии всё ещё сочными губами, однако левое веко слегка подёргивалось при том.

София не обратила на сей несомненно тревожный при-

знак никакого внимания – куда важнее объяснить уверенной в своей правоте владычице, что в конечном итоге жизнь оказывается важнее любой политики. Что вся политика сгинет бесследно, если не замечать тихого голоса жизни.

София неслышно, но в полную грудь вдохнула и склонилась в глубоком реверансе:

– Ваше величество, как и всегда, прекрасно всё помнит и верно понимает. Однако приведённый довод верен для личного звёздного расклада, да и то не во всякой ситуации. Когда же речь идёт о столь важном деле, как рождение наследника престола, в игру вступают иные силы, и воли одного человека, сколь бы могущественным властителем он ни был, оказывается недостаточно.

Только династическая гордость и суровая дворцовая закалка не позволили Елизавете размахнуться и ударить по бледным щекам собеседницы так, чтобы заполыхали на них алые пятна унижения – такого, которое переживала сейчас сама правительница.

Её дочь – и неспособна родить наследника! За три года супружества – три девочки! Такого в семье Остенштерн не бывало ещё, всегда дочери нашей семьи исполняли перед супругами первейший женский долг... Кроме, разве незабвенной принцессы Изабеллы – но она и не снесла позора, кровью смыла его с семьи...

Императрица сошла с посыпанной песком дорожки, залюбовавшись до невозможности прелестными цветами виш-

нёвого дерева. Притянула ветку к себе, медленно оборвала с ближайшего цветка лепестки, с другого... погибшими бабочками опустили они к подолу её утреннего платья.

– Наша дочь воспитана в лучших традициях рода – полном и беспрекословном подчинении своему предназначению. Она обязана подарить своему венценосному супругу наследника, и неважно, какой ценой, София. Вы сказали, шанс есть, – и мы используем этот шанс.

Голос повелительницы звучал спокойно, буднично и чуть скучно – отдавать приказы тоже работа, и далеко не самая простая.

Итак, монархия своё слово произнесла: здесь всё давным-давно решено, взвешено и отмерено. Остаётся одно – со всем возможным прилежанием внять отданному приказу. А приказ прост: доверенное, однако не примелькавшееся при дворе лицо должно передать великой княгине Алисе некое средство для благополучного развития во чреве женщины младенца мужеска пола и проследить ситуацию вплоть до появления этого младенца на свет. А наиболее подходящим для исполнения этой задачи лицом представляется некая юная знахарка, что доводится придворной звездочее...

– Племянницей, ваше величество.

– Вызовите её в Коренбург. Безотлагательно.

Только юность дарит лёгкую, звонкую и летучую поступь, легкокрылая юность, навстречу которой мир раскрывается сам, словно книга, что жаждет быть прочитанной – только прикоснись ко мне неогрубевшими ещё пальчиками, только начни изучать изъеденные столетиями страницы... да не ценится то в молодом нетерпении вкусить от жизни побольше и поскорей.

София брела вдоль ограды парка, сплошь затянутой виногоградом. Листья его всюю раскрылись и флиртовали с ветерком, кокетливо поводя подолами зелёных юбочек. Но вопреки обыкновению, София не то, что не улыбнулась – даже не взглянула на своих маленьких приятелей. Казалось, она совершенно сосредоточилась, чтобы при ходьбе не наступить краешком башмака на тонкие расщелины между терракотовыми плитками, которыми вымощены были дорожки в этой, более известной обитателям дворца части парка.

– Небо свидетель, если вы ещё раз покажетесь мне столь удручённой, радость моя, я сочиню аромат, который собьёт с ног любого, кто только посмеет подумать в вашу сторону дурное, – этот задорный тёплый голос с мягким южным акцентом нельзя спутать ни с чьим... но какими судьбами тут господин придворный парфюмер?

Оказалось, белозубо и широко улыбающийся господин

парфюмер вышли подышать рассветной тишиной – зрелая весна поутру чудо как хороша... почти как вы, звёздная чаровница.

Вышеупомянутая чаровница усмехнулась кучерявой галантности своего единственного в серпентарии королевского дворца доброго знакомого – хранительница чужих тайн, София не стремилась к общению, да и к ней обращались исключительно по делу.

Однако настроение, и в самом деле, подозрительно быстро исправлялось – правда, вчерашняя тревога за Динь не только никуда не исчезла, но стала ещё острее.

– Витторио, друг мой, – ответила София к парфюмеру, в миру звавшемуся мастером Пенсаторе, – ведь красивое начало вовсе не означает такого же развития и финала. Предстоят непростые времена.

На что ей радостно сообщили, – времена, мол, никогда простыми не бывают, так не портить же себе из-за этого аппетит?

– Не откажитесь позавтракать со мной, о пленившая моё сердце звезда, окажите мне эту высокую честь...

Когда мужчина требует, отказать ему очень легко – но когда он так просит... что ж, соблазны для того и придуманы, чтобы потворствовать нашим истинным желаниям?

– Мой дорогой Витторио, это было бы честью для меня, но я должна безотлагательно исполнить приказ её величества.

Подвижное и выразительное лицо мастера Пенсаторе на сей раз не показало ничего, кроме совершеннейшего подчинения воле их общей госпожи, и только длинные чёрные ресницы его опустились долу, скрывая блеск умных золотисто-синих глаз – при дворце не продержаться и дня, если не ощущать всех и всяческих веяний.

Бережно прикоснулся он губами к доверчиво вложенным в его ладони пальцам звездочей – даже сквозь нитяные перчатки ощущалось, как замёрзли у неё руки – и раскланялся.

К цели София пошла кружным путём – мимо чайного домика, вдоль романтически опушённого редкими плакучими ивами канальца с крохотным озерцом для водных забав венценосных отпрысков – чем дальше она сейчас окажется от вездесущих придворных, тем лучше.

И только миновав оранжерею, звездочья позволила себе свернуть к флигелю секретариата – лично попросить дежурившего там пухлого чиновничка включить её письмо в ближайшую рассылку – высочайший приказ, отлагательств не терпит.

Чиновничек отозвался весьма нелюбезно, усомнившись, что некие придворные дамы понимают, с какими просьбами обращаются – послания от частных лиц, пусть даже и выполняющих августейшую волю, принимаются дворцо-

вой почтовой службой только с соответствующим предписанием из канцелярии Его Императорского Величества. Так прямо и сказал, с полным осознанием государственности своей службы...

София страдальчески посмотрела на потолочную лепнину комнаты – гипсовый крылатый божок с отбитым носиком ответил ей из угла сочувственным взглядом – и протянула насупленному чину собственноручную её величества карандашную записку. «Податель сего действует по моему приказу и от моего имени».

Но дежурный секретарь не спешил одёргивать на изрядно выступающем брюшке лоснящийся сюртук, дабы встать перед тонкой ароматной бумагой навытяжку. Прежде он в сомнении покрутил заспанной физиономией, проштудировал изрядных размеров тетрадь, сшитую из грубых жёлтых листов, и подумал вслух, что наверняка у некой госпожи есть возможность добавить к сему несомненно драгоценному свитку другие убедительные аргументы – рвение младших служащих, к сожалению, низкомерно ценится. Да и молчание чего-то стоит.

Госпожа к такому повороту оказалась готова и легко рассталась с половиной имевшейся при ней наличности, посулив вторую при отправке послания.

Россыпь витиеватых благодарностей, которыми София разразилась на прощание, привёл чиновничка в замешательство – госпожа в дорогом чёрном платье как бы не сама звез-

дочеря, странно даме такого класса такие жесты... Уже давно скрылась она из виду и даже успела ворваться в свои покои, дабы дописать вчерашнее письмо племяннице, а чиновничек всё побряхтывал, щупал в жилетном кармане большую монету с профилем его величества, и недоумённо покачивал головой.

«Моя милая девочка, жизнь такова, что однажды тебе придётся принимать ещё более сложные решения, чем сейчас. Твоя вера в себя – основа силы – может оказаться подорвана... сумей даже в такую тяжкую для тебя минуту найти другое основание для этой веры – и сумеешь всё. На сём прощаюсь с тобой – до встречи, которую едва ли терпеливо жду. Всегда твоя».

София аккуратно вывела дату и инициалы, присыпала чернила мелким жёлтым песком из специального рожка. По давным-давно заведённому правилу ещё раз внимательно перечитала написанное – не забыла ли чего, обо всём ли предупредила свою малышку. Да, малышку – осенью, на равноденствие, всего только двадцать и сравняется.

Насчёт дома и хозяйства распорядилась – за весьма приятную на вес и вид сумму, которую госпожа придворная звездочеря могла себе позволить без особого ущерба для кошелька. На время отсутствия Динь за всем присмотрят соседи – пожилая чета, чьи дети уже много лет назад покинули тесноватую родную глубинку ради зыбкого престижа числиться обитателями столицы.

Мельком представив себе, как хлопотливая соседка вручает Динь корзинку с бабушкиными гостинцами для далёких внуков, София тут же подумала, что денег на дорогу племяннице следует выделить чуть побольше, а к её приезду заказать портнихе три новых платья – пусть ждут свою маленькую хозяйку, по фигуре же подгоним, когда девочка будет здесь.

Насчёт дороги распорядилась тоже – надо отправить племянницу наилучшим способом. София и сама часто пользовалась им в первые два года службы при дворе: взять Динь с собой в столицу звездочья не решилась. Да девочка и сама не стремилась к переменам. Так и осталась под присмотром всё той же соседки в маленьком городке, где некогда София решила прекратить свои метания по стране и приобрела на имя племянницы крохотный домик, увитый виноградом.

Значит, в первый день к обеду почтовая карета доставит Динь в Ланц, главный город их ланда. Там девочке надо обязательно отдохнуть, поесть, выспаться. Хозяина одного из лучших тамошних постоялых дворов, господина Юнтера, София хорошо знала ещё по прошлой, кочевой и неприкажной жизни – помогала его супруге разрешиться от бремени... но звездочья и о том не любила вспоминать. Ребёночка она тогда приняла – а вот успокоить роженицу, чтобы та страхами своими не мешала природе, едва удалось... знахари справляются с таким за несколько мгновений.

Утром второго дня человек от Юнтера проводит Динь

на вокзал и поможет ей сесть на поезд. Хотя и недешёв этот вид транспорта, шумен и нуден, зато утром третьего дня София увидится со своей малышкой – почтовым же дилижансом от Ланца в Коренбург добираться существенно дольше, да и утомляешься с непривычки куда сильнее.

«Карты всегда пророчат нам дорогу: пока мы живы – мы в пути. Так что собирайся основательно, девочка моя, впереди у тебя очень долгий путь».

– Очень долгий путь, – мечтательно перечитала Динь тётушкино письмо. Взглянула на Дона, на мадемуазель Лармур и снова на Дона, – увидеть Коренбург...

Дон одобрительно кивнул в ответ, но отвечать не стал – ему и самому предстояло сообщить нечто... Собеседницы притихли – одна рассматривала отменный маникюр левой ручки, другая глядела ему в лицо так радостно, будто уже знала, что сейчас прозвучит.

– Нынче утром я получил предписание отправиться ко двору.

И он выжидающе посмотрел на Тони, которая в ходе его краткой речи мягко преобразилась в Нинон, заулыбалась сладко. Дон только и видел, что эту улыбку – а потому тихое поздравление Динь прошелестело мимо его слуха.

– Значит, очень скоро все мы встретимся в столице, –

пропела мадемуазель Лармур, из-под полуопущенных ресниц наблюдая, как мужчина пытается придать лицу максимум невозмутимости – ведь ему ещё никто не давал ни малейшего права проявлять интерес к её делам.

Но она решила не мучить интересного кавалера слишком долго: и сам – загляденье, и явно из приличной семьи, и на хорошем счету: с поручением, в столицу...

– Матушка приглашена на закрытие сезона, концерттировать в доме... – и Нинон назвала одну из известнейших дворянских фамилий. Кто не знает семьи, из которой родом её императорское величество?

Солнце ещё только собиралось подняться над равниной, служившей просторным ложем широкой и медленной реке, когда из шлейфа уходящей ночи стремительно вырвалась небольшая птица. Полёт её был неровен и странен – то чёрным зерном падала она к земле, то в последнее мгновение ломала гибельную прямую, остро вверх взрезая воздух.

Мальчишка-пастушок, который именно тогда потянулся и взглянул при этом в небо, решил, будто за юркой вестницей богов гонятся злобные духи тьмы, а она спешит укрыться от их ядовитых когтей в спасительных лучах утренней зари. Паренёк почти не ошибся – ласточка спешила на восток, к славному городу Вершице, с секретным посланием её им-

ператорского величества Елизаветы к великой княгине Алисе.

Без передышки летела птица, издалека, но сил у этого тренированного гонца оставалось ещё немало. Только упрямее сжался клюв, и ласточка продолжила черкать по небу, превращая свой след в головоломку для любой слежки.

Осталось перелететь небольшой лесок – и вот, уже виднеются на высоком холмистом берегу восемь всемирно известных башен – как писал в своих путевых заметках один странствующий барон: «С дальних подступов их вполне можно принять за вышедших в дозор исполинов в пылающих золотом шеломах». И он ничуть не преуменьшил на сей раз – многочисленным врагам не удавалось занять эти холмы с тех пор, как шесть сотен лет назад второй из династии великих князей Вершицких окружил свой престол легендарной белокаменной крепостью.

Города растут, как ракушка улитки: по спирали; от центра – вширь. Так и Вершица – за спокойные и богатые столетия оброс могучий детинец многочисленными слободами и торжищами, во все края света шли из города лучи государственных трактов.

Не утихала здесь жизнь, лишь краткую передышку разрешала себе – вот и сейчас, из тумана предрассветных грёз проступала обычная деловитая толкотня столицы поистине великого княжества: ползли от застав подводы с товарами, курился над пекарнями дымок, служки шебуршались в хра-

мах, скрипели в купеческих домах ставни да брэнчали в лавках ключи под протяжные зевки приказчиков.

Ласточка сделала ещё один виток над пробуждающимся Подолом, заодно подкрепившись кстати попавшейся мошкой – позади всё чисто, а часовым и подавно не до шныряющей по своим делам птицы.

Она ринулась вниз, по широкой дуге обогнула юго-западную башню и на бреющем полёте пересекла мощёный булыжником двор. Шмыгнула за конюшню, пролетела по галерее крепостной стены к главному храму крепости. По пути уловила сладкий дух свежей выпечки из дворцовой кухни, наметив себе потом непременно тут пожить, и устремилась к белёному зданию, расположившемуся во дворе с типичными для местных строений широтой и основательностью.

Ласточка выплела ещё две изящные петли вокруг – над крышей и вдоль окон. На общем светлом фоне дома заметно выделялось приоткрытое слуховое окошко – туда-то птица и влетела.

На чердаке царили сумерки, тишина и прохлада. Ласточка устроилась на стропиле: отдышаться, оглядеться, прислушаться: ход на чердак так же предусмотрительно открыт, из него тянет чуть влажным теплом и уютным ароматом кофе – в доме либо уже проснулись, либо так и не ложились ещё. Впрочем, если хоть немного знать ту, к кому спешила вестница, последнее всё же вернее. Ну что ж, за дело?

О, да тут неизвестно чем больше пахнет – тайной или нервной бессонницей! Но чернокрылая птица в полном соответствии со служебным уставом и здравым смыслом не совала клюв в секреты хозяев слишком глубоко: надо будет, сами попросят! По-прежнему не выпуская из внимания всё окружающее пространство, ласточка пронеслась по узкому коридору в самый дальний его конец, где виднелась приотворенная дверь.

Птица знала – там, у изящного бюро из драгоценной полярной берёзы сидит удивительной красоты женщина – великая княгиня Алиса. Сидит и при ломком свете двух свечей аккуратно пишет что-то, иногда поднося к глазам крохотный белый платок.

– Диль-тиль-ттррррри!

Хоть и ждала этого приветствия женщина, но вздрогнула: сказалось напряжение, в котором жила с рождения второй дочери.

Впрочем, почти тут же нетерпение её оказалось задавлено – и простая аристократка не имеет права на такую роскошь, как прилюдная демонстрация чувств, а уж супруга государя и подавно. Неторопливо качнулся клакспапир, промокая излишки чернил с недавних строчек, закрылись рукопись и чернильница, перо опустилось в изысканной работы фарфоровую подставку. Только после этого Алиса величаво поднялась из-за бюро и посмотрела на вестницу.

Всё дальнейшее также происходило в полной тишине. Ласточка пошуровала клювом в грудном оперении, выдернула оттуда пушинку и бережно опустила её на узкую, в предательских блёстках пота ладонь повелительницы. Та медленно закрыла кулачок, прижала его к сердцу и словно в молитвенном благоговении опустила веки.

Это был единственный момент в работе, который ласточка не то, чтобы не любила, а попросту не выносила – да не даст соврать пресветлый Эрмий: лучше десять раз без передышки слетать из конца в конец и обратно, чем присутствовать при распечатке секретного послания. Но имперская почтовая служба – занятие не для слабонервных болтунов. Да, в любом случае, ласточка оставила бы своё мнение при себе даже под пыткой: на гонцах лежало заклинание, помогавшее им в случае чего быстро и безболезненно умереть, но не выдать хозяйских тайн и не запятнать ни одного имени, своего в том числе.

Человек – не единственный зверь, которому дано притворяться: ведь иной раз попросту не выжить, если не замаскироваться хорошенько... да хотя бы и осе под тигра! Однако на сей момент за крылатой посланницей никто не следил, и она могла позволить телу вести себя так, как тому хотелось. Вонзились в обивку кресла коготки, встопорщились перья – на дать ни взять, ёж в птичьем обличье. Хвала милостивым небесам, единственная, кто могла бы видеть это жалкое зрелище, пребывала в жемчужно-сером мареве тран-

са и под столь тягостные для ласточки вибрации магии одну за другой снимала с зачарованного письма печати заклятий.

Если бы не тренированная выносливость и природное умение терпеть, ласточка уже давно сошла бы с дистанции, уступив место более крепким коллегам. Но ни первого ей было не занимать, ни второго – хотя те, кто знал эту ласточку в иной обстановке, никогда бы даже не заподозрили, что весёлый, душа нараспашку и слегка рассеянный господин Тинген-старший на самом деле – один из лучших агентов личной курьерской службы его императорского величества.

Новости, похоже, оказались недурными – завершив чтение, получательница оных глубоко вздохнула и милостиво разрешила гонцу удалиться на заслуженный, пусть и недолгий отдых. Ведь любое письмо предполагает ответ?

Уснуть.

И видеть сны.

Сильный, выразительный мужской голос произнёс это, казалось, прямо в сознании.

Мастер привычно пробудился в иной реальности, огляделся методично, но аккуратно: без крайней необходимости не следует тревожить варианты бытия своим присутствием.

Всё правильно: Земля, Москва, горький двадцатый век близится к последней четверти.

Сам – десятилетний, в постели, спину подпирает толстенная подушка выше головы, горло болит, тело ломит. «Сно-ва ангина». Маг вслушался в шаркающие шаги за дверь. «Бабушка идёт, сейчас кормить будет» – ощутилась и такая мысль. И следом – взрослая: «Пора пробуждаться».

– Олеженька, бульончик. Твой любимый, куриный. Да-вай-ка, выпей.

Бабушкин взгляд был настойчив и тревожен: готовилась уговаривать внука. Но тот послушно кивнул и принял кружку. Бабушка просияла и ласково улыбалась всё время, пока мальчик маленькими глотками пил золотистый напиток.

Вытерев испарину со лба внука, откинувшегося на подуш-ку, бабушка собралась уходить, но услышала тихое:

– Ба... дай почитать.

– Да куда ж тебе, Олеженька, начитаешься ещё! Отдохни!

Но внук как-то так посмотрел – спокойно, выжидающе, – пожилая женщина даже растерялась.

– Что дать-то? «Мушкетёров» или Жюль Верна?

Олежек попросил «Ниву» с бабушкиной этажерки.

Журналы те, сохранившие розоватый цвет обложки, пах-ли навсегда минувшей эпохой. Олежеку и прежде нравилось перебирать их, листать. Словно пыльца оставалась на паль-цах, высушивала их кончики. Знакомые слова выглядели, будто из другого языка, а ещё и вид у букв совсем непохо-жий на наш. Он уже знал, что это называется шрифт – отец, художник крупного столичного издательства, объяснял.

Но на сей раз хотелось именно почитать. Мальчик выбрал номер, раскрыл наугад.

«Нравственная история Изабеллы и Валентина, или Сказание о вечной любви» – ну и название! Автор – какой-то А. О.-В. И подзаголовок «Легенды N-ской земли». Не приключения, конечно. Про любовь – какие ж приключения?

Но возникшая вдруг сильная уверенность, что прочитать надо, перекрыла те сомнения.

И он не пожалел. Приключений оказалось на несколько номеров подряд – долгое сказание о человеке, чья жена покончила с собой. Не просто – ей в этом помогли. Человек не смирился с потерей, не поддался горю. И сделал всё, чтобы отправиться в долгое странствие по тому свету и вытащить оттуда душу своей жены. Немного напоминало уже знакомую Олегу легенду об Орфее и Эвридике, только, здесь герой победил.

Усталый – читал не один час – Олег крепко уснул. А когда проснулся, почувствовал: здоров.

Очень хотелось есть, поскорее стать большим и непременно совершить свой подвиг.

Проводив матушкиного почтового гонца в обратную дорогу, Алиса не сразу вернулась к рукописи. Прежде она уничтожила черновики ответа, в котором извещала императри-

цу о своей совершенной радости в связи с приездом матушкиной посланницы и сопровождающих её лиц, а также о готовности принять их – и судьбу.

Мать в прямой манере Остенштернов сообщила – рождение сына может стоить Алисе здоровья. Но что это в сравнении с возможностью подарить ненаглядному Вячеславу наследника? Исполнить долг женщины перед мужем... О, Небеса, помогите! Хоть и не участь бесплодной Изабеллы, но упасите бросить тень на семью!

Сжав руки, великая княгиня прошлась вдоль по комнате от бюро к изящной изразцовой печи. Постояла, любуясь картинками изразцов – и мечтая, как вместе с супругом будет показывать их сыну, читать нравственные наставления, которыми каждая картинка сопровождалась, объяснять смысл...

Мечты, ах, мечты... наверное, и Изабелла так же... легенда о жившей давным-давно и трагически ушедшей из мира родственнице с детства волновала Алису. Любовью, сильной, яркой, похожей на чувство Изабеллы и Валентина, великая княгиня оказалась счастливо одарена – но в последний год остро преследовало её чувство, будто проклятие, убившее ту принцессу, довлеет и над нею самой. И непонятно, что было страшнее – это или страх рассказать о своём ужасе даже самому близкому человеку.

Тоску не снимало ни ласковое внимание супруга, ни весёлые личики дочерей. Личный знахарь великой княгини, знавший и пользовавшийся её ещё в Коренбурге, перепро-

бовал немало способов вернуть молодой женщине былой цвет – но эффект его целительства всякий раз оказывался непродолжительным. Признав, что сам не справляется, знахарь посоветовал великой княгине побывать в обители здешних, как их называли, волхов.

Волхи жили в лесах, поклонялись солнцу, почитаемы были народом – и, несмотря на свою полную, подчёркнутую даже, отрешённость от дел мирских, испокон века были на хорошем счету у властителей. В последней войне с кочевниками, что более шести столетий назад поразила страну, именно волхами присланный воин переломил ход решающего сражения в пользу Вершицы. От отца-правителя к сыну-наследнику передавалось устное завещание всячески волхам содействовать: «Бережливый ум защищает тело и душу, для жизни данные, так да хранит государь Вершицкий свой народ и волхов».

К ним-то и сопроводил знахарь свою августейшую подопечную.

Три дня прожила она у волхов, вернулась посвежевшая, но по-прежнему закрытая. Немедленного чуда, на которое так надеялся имперский знахарь, не произошло – однако, Алиса перестала чахнуть, начала выходить из покоев, регулярно совершала верховые прогулки и много времени проводила в детской.

К великой княгине почти вернулась былая бодрость. И, хотя в свет она по-прежнему являлась только в связи с госу-

дарственными приемами, фрейлины отныне всё чаще после обеда провожали госпожу не в постель, как бывало прежде, а в кабинет, где она долго и старательно работала с документами. И если супруг властью своею не прерывал этого труда, то случалось венценосной писательнице засидеться и до утренней зари.

По вершицкому обычаю, великая княгиня помянула добрым словом волху, давшую ей совет, и вернулась к занятию, которое прервал матушкин письмоносец.

Родина супруга богата была легендами и сказаниями – но и там, где родилась Алиса, преданий ходило немало. И, вернувшись от волхов, затеяла княгиня журнал... пусть состояются в нём старинных историй любители и сочинители новейших драм! Названием долго не мучилась: известно же, от древности до нови – один шаг.

О венценосной учредительнице знали все, но что она ещё и среди корреспондентов журнала, хранилось в глубокой тайне по велению самой.

Талант легко и складно записывать свои мысли Алиса развивала с детства, приученная вести дневники. Как же теперь давний навык помогал.

«Поучительную сию историю рассказываю тебе, досточтимый читатель, со слов нянюшки моей, уроженки *** государства. За столетия приукрасилась история легендами и преданиями, одно другого удивительнее. Передаю их тебе

все без различия правды и выдумки, в том виде, в коем достигли они моего слуха.

Король ***-ский женил младшего сына. Валентин звали жениха, невесту – Изабелла, из достославных баронов фон Остенштерн.

Брак обещал быть счастливым. Предки невесты по мужской линии верой и правдой служили короне. Женщины рода славились красотой и тем, что первенцем всегда приносили сына. Будущие супруги знали друг друга с детской поры, когда король изволил охотиться в богатых угодьях Остенштерна и почтил своей особой поместье барона по-простому – с семьёй и небольшой свитой.

Взросление отдалило будущих супругов – он учился в столичном Университете, странствовал, изучал свойства веществ и природу явлений, постигал магическое искусство и науку предсказаний по звёздам. Вернувшись, стал правой рукой старшего брата, к тому времени уже принявшего на себя блистательную тяготу королевского венца.

А она росла в поместье отца, своенравная, как и многочисленные братья, такая же пылкая и любознательная. Гувернанткам бывало непросто уследить за своей воспитанницей: то в кухне находили её, визнававшую у повара его секреты, то на псарне со щенками, то за книгами в кабинете отца, который слишком многое, увы, позволял своей единственной дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.